

Книги вразнос.

Что у нас переводят. И как

[278]

ил 4/2019

Экспресс-рецензии Даши Сиротинской

ФРЕДРИК БАКМАН *Здесь была Бритт-Мари* / Перевод со шведского Елены Тепляшиной. — М.: Синдбад, 2018

Скоропостижная и головокружительная популярность молодого шведского писателя Фредрика Бакмана, автора покорившей многие сердца “Второй жизни Уве”, набрала обороты до такой степени, что теперь его поклонники практически не способны отнестись критически к роману про Бритт-Мари, третьему из переведенных на русский язык. А отнестись критически надо бы: если в романе “Бабушка велела кланяться и передать, что просит прощения” (2013, рус. перев. 2018) налицо попытка хотя бы обратиться к новому сюжету, то во время чтения этой книги на ум приходит только одно: так вот же она, настоящая вторая жизнь Уве! Перед нами тот же Уве, только в юбке: та же озлобленность, та же мелочность, то же страстное желание жить прошлым, то же высокомерие. Словом, буквально (до смешного) тот же самый персонаж, который, между прочим, и во время отбывания первого “срока” уже был отнюдь не оригинален. Стоит ли удивляться, что при совпа-

дении исходных данных история исцеления Бритт-Мари от ненависти к себе и окружающим оказалась копией истории Уве? Атмосфера маленького городка, в котором жителей немного, зато примеров самых неожиданных странностей человеческой природы — хоть отбавляй, оказывается для Бритт-Мари, изгнанной из рая повседневности, лучшей школой и лучшей лечебницей одновременно. А еще эта вкрадчивая простота и точность языка, эти минималистичные внутренние монологи, эта очаровательная пластилиновая однолинейность мышления Бритт-Мари: ну как тут устоять! Да, чуть не забыла еще одну ложку сахара: в предыдущей книге (про бабушку) Бритт-Мари была второстепенной героиней, а здесь превратилась в центральную: это же так приятно — узнавать что-то новое о знакомых персонажах! Словом, нетрудно подсчитать, что читатель, под ручку с Бритт-Мари отправляющийся в очередное разнеживающее путешествие в уютный бакмановский мирок, рискует схлопотать тепловой удар. И еще, что самое обидное, перестать различать бакмановских персонажей — прошлых, настоящих и будущих. А жаль: они ведь все такие симпатичные!

Джордж Сондерс *Десятое декабря* / Перевод с английского Григория Крылова. — М.: Эксмо, 2018

Имя Джорджа Сондерса уже не в первый раз появляется на страницах этой рубрики, и я обращаю на это ваше внимание не просто так. Всегда интересно сравнить, какие тексты — длинные или короткие — даются автору лучше. Сборник рассказов Сондерса словно бы шепчет нам по секрету: знали бы вы, ребята, до чего ему становится легче, когда он берется за малую прозу! И точно: довольно утомительные причуды стиля, из-за которых (или благодаря которым) Сондерсов *opus magnum* “Линкольн в бардо” дочитывают до конца лишь немногие избранные, здесь как будто бы куда более к месту. Трагикомизм, сондерсовские персонажи, не особенно приятные и, в сущности, совершенно ничтожные, но иногда почему-то невероятно трогательные, мешанина из французских названий балетных па, замусоленных памятью слоганов из рекламы, сосредоточенные размышления о фасонах мужского нижнего белья и неуклюжие грезы о настоящей любви, — вся эта сбивчивая суматоха сознания, будучи заключена в малую форму, оказывается для нас куда более *привычной*. И куда менее обременительной, что тоже весьма существенно: прочитал один рассказ, прочитал другой и забыл, авось да найдется на целый сборник хоть один настоящий — яркий, пронзительно-точный, немногослов-

ный и запоминающийся навсегда. Рассказ о нас самих. Он найдется, это я вам гарантирую: автор все-таки неплохо разбирается в наших чувствах и мыслях. Но куда вдруг пропал прославленный Сондерс, о котором мы еще так недавно спорили до хрипоты: новатор формы, отчаянный провокатор, исследователь запретных областей сознания? “Десятое декабря” кончится — и все “одиннадцатое” вы проведете в поисках этого невидимки. И совершенно напрасно: если он и появится, то уже только в следующей книге. А может быть — не появится вообще. Да и был ли?..

Вьет Тхань Нгуен *Сочувствующий* / Перевод с английского Владимира Бабкова. — М.: Согрус, 2018

Вот уж где настоящая диковинка: перед нами дебютный роман американского писателя вьетнамского происхождения, новый флагман литературного мультикультурализма, удостоенный Пулитцеровской премии 2016 года. Произведение, действительно, внушительное. Главный герой исполнен такой самозабвенной серьезности по отношению к самому себе, что начинаешь даже немного завидовать: нам бы самим поменьше самоиронии — да без долгих слов в эпические персонажи. Мне возразят: текст-то не о ерунде какой-нибудь, а об окончании вьетнамской войны, о политических тайнах, о том, является ли необходимость принимать чью-то сторону долгом каждого — или распространенным

заблуждением, на самом деле противоречащим самой природе человека и деформирующим его психику. Какие уж тут шутки! Судьба у главного героя такая, что не позавидуешь: в исторической борьбе он слуга сразу трех господ и, само собой, первый кандидат в козлы отпущения по любому поводу: стоит только утратить чутье и не совладать с непредсказуемой судьбой. О таком персонаже на протяжении какого-то времени интересно читать, но сам по себе он, честно говоря, порядком раздражает: от того, как он увлечен драматизмом собственного

амплуа, того, как свысока судит о происходящем вокруг, становится читательски и физически душно; “глотком воздуха” могла бы стать альтернативная точка зрения, но текст абсолютно однолинеен и в конечном счете — скучноват. Роман слишком громоздок, чтобы до конца воспринимать зануду-протагониста всерьез, а ведь именно на читательском благоговении все и должно держаться. И хотя Вьет Тхань Нгуен, как видно, ведет с нами засекреченный диалог о дилеммах современности, сочувствовать Сочувствующему — ну никак не получается.